

ТВОРЧЕСТВО БЕЗ ГРАНИЦ

Мария КЛЮКИНОВА

Не глазами художника

Связь между изобразительным искусством и зрением кажется нерушимой. Чтобы рисовать, нужно видеть, чтобы воспринимать нарисованное, нужно видеть. Или нет?.. Встреча с Дарьей ДОРОХИНОЙ заставила меня вспомнить, что зрение бывает не только внешним, а изобразительное искусство — это не только картинка в рамке.

Эффектная молодая женщина в больших тёмных очках стильной «кошачьей» формы и в пальто синего оттенка, который называют цветом морской волны, — такой я увидела Дарью впервые. В её образе была та самая естественная гармония, которая неразрывно связана с хорошим вкусом. Но привлекало не столько это, сколько манера держаться — уверенная, дружелюбная и спокойная. Именно она сделала в моих глазах Дарью красивой, а не просто «интересно одетой». Знакомясь с ней, я впервые задумалась о том, что такое на самом деле зрительная память. Сейчас Дарья — самый необычный художник, которого мне доводилось встречать. Она пишет свои картины на ощупь и помогает другим людям понять, что внутреннего взгляда может быть достаточно, чтобы рисовать.

Когда-то мир был для неё ярок и отчётлив, она планировала заниматься парфюмерией и просто любила творчество, в том числе изобразительное. Художественные навыки были у неё уже тогда, и вообще, Дарья, очевидно, из тех, кто мыслит картинками, и, как ни парадоксально, именно такой способ воспринимать мир стал путём к спасению, когда зрение сначала стало падать, а потом и вовсе пропало. Творчество оказалось опорой, которая помогла выжить на обломках обрушившейся жизни. По словам Дары, сейчас она старается мысленно визуализировать всё окружающее.

Этот принцип лёг в основу её творческого метода: воссоздать картину в голове, представить, мысленно соотнести её с холстом и воплотить, разумеется, на ощупь. Это требует сосредоточения, полного погружения и

немалых усилий, но позволяет конвертировать в творчество все чувства, эмоции и мысли, как бы отступив от них на шаг и тем облегчив процесс их проживания. Когда Дарья говорит об этом, она улыбается и голос у неё звенит, а я вспоминаю, как залечивала свои зияющие раны, воображая, собирая воедино и превращая жизнь в тексты. Получается, что наши методы немного похожи — всё в голове. Мне нравится это совпадение и то, что пример Дарьи в очередной раз доказывает — творчество может спасти, если приложить усилия.

На выставку работ Дарьи в Центральном музее ВОС им.

Б.В. Зимина я намеренно сходила одна и до встречи с ней. Моей целью было максимально отделить личность автора от её картин. Ролан Барт, великий освободитель от чужих биографий, говорил, что, если что-то рассказывается ради самого рассказа, а не ради прямого воздействия на действительность, голос отрывается от своего источника. Эта концепция позволила мне настроить своё восприятие так, чтобы видеть в картинах не творчество слепого художника, а картины как они есть. И прежде всего меня встретила конкретность и цельность образов: даже сложноустроенные, многокомпонентные работы охватываются одним взглядом, воспринимаются как законченное высказывание. Эта особенность косвенно отражена даже в том, как картины названы: «Феникс», «Букля», «Воздушный замок» — лаконично и точно. Мне это показалось простоватым, но органичным.

Позже, общаясь с Дарьей, я узнала, что дело скорее в нелюбви к излишнему усложнению. Но там, в зале, я ещё была настроена скептически: рисование вслепую больше похоже на психологическую практику, чем на искусство, в лучшем случае, абстрактные яркие картинки, а то и вовсе хаотичные пятна. И вот меня встречает россыпь света и огня: я вижу птицу, возрождающуюся из пепла —

артина «Феникс». Казалось бы, пёстрый и весьма очевидный образ, всё как я ожидала, но он оказывает серьёзное эмоциональное воздействие: на картину хочется смотреть и смотреть, она полна энергии, рождает в голове

поток ассоциаций и завораживает. Я вглядываюсь, и за этим фениксом для меня встают другие: от очевидного Фоукса из «Гарри Поттера» до тех, о которых я читала в мифах. Это ли не смысловая полнота? К тому же картина фактурная во всех смыслах этого слова: крупные и объёмные мазки текстурной пасты создают ощущение, что птица на картине постепенно воплощается, а свет на гранях текстуры добавляет чувство того, что перья светятся и горят. Благодаря контрасту использованных цветов — чёрный фон, жёлтые и оранжевые оттенки для создания силуэта, ярко-алые детали на обращённых к зрителю краях перьев и белые, резкие блики — картина становится более выпуклой и выразительной, её хочется рассматривать под разными углами, ловя огненные всполохи, что, в свою очередь, создаёт некую иллюзию движения. Мне понадобилось некоторое время, чтобы оторваться от неё и перейти к следующей. Позже в разговоре с Дарьей я предположила, что эта работа была сложной и долгой. Оказалось, нет: феникс возник мгновенно, как всполох, и писался легко, на волне вдохновения, вероятно, в том самом состоянии, когда краски в руках горят и невозможно остановиться, потому что образ требует воплощения. Скорее всего, именно эта энергия, отображаясь на холсте, делает «Феникса» самой сильной картиной на выставке.

Другие работы более спокойные: пастельные тона, пасторальные пейзажи, уютные интерьеры. И в этом тоже есть своё очарование: тёплые цвета и некоторая наивность напоминают о светлой стороне жизни. Да, может быть больно, грустно, страшно и плохо, но где-то есть кот Мурзик, который играет с клубком. Увидев бело-рыжего кота на картине, я улыбнулась, вспомнила своих котов и подумала о том, что повесила бы что-то такое у себя дома. Дарья потом рассказала, что изображала собственного кота, который, к сожалению, недавно умер, так что теперь для меня в этой картине есть грустная нотка, но я была рада получить частичку любви художницы к питомцу, переданную ею этой работой.

Картина, ставшая лучшей лично для меня, — «Букля» (сова из серии книг о Гарри Поттере. — Прим. ред.). Причина такого выбора проста: когда мне было одиннадцать, больше всего на свете я ждала письмо из Хогвартса и собрала целую совиную коллекцию (от открыток до садовых фигурок), так что Букля для меня определённо своя. Исполнена она в стилистике, которая ближе к той, что использовалась в «Фениксе»: тёмный фон, ослепительно-белая сова с большими круглыми жёлтыми светящимися глазами. Фактуры здесь не так много, прежде всего в силу значительно меньшего размера картины. Выпуклость и глубина объёмных мазков тоже более слажена, почти нет резких рельефов. За счёт этого создаётся туманно-размытый замок на фоне и динамика в изображении летящей совы, её перья как бы приглажены потоком воздуха, глаза горят, а как иначе? Достигнуто это за счёт того, что жёлтый является единственным цветным пятном среди чёрного, белого и растушёванных оттенков. Уже во время нашей беседы, когда я упомянула о том, что мне понравилась картина, Дарья добавила, что она ещё и светится в темноте. Ну не прекрасно ли?! Если давать общую характеристику выставке, невозможно будет обойтись без слова «упрощение». Но не в качестве отрицательной оценки, а как черты, характерной не только для творчества Дарьи, но и для современного искусства в целом: меньше техники, больше сути, обнажение изначальной формы и отход от скучного академизма. И это замечательно!

Всё сама или кто-то помогает? Этот вопрос, больше всего занимавший меня во время просмотра выставки, я задала Дарье далеко не первым — не хотелось демонстрировать излишний скептицизм по отношению к творчеству автора. Моё любопытство было принято вполне доброжелательно: Дарья честно рассказала, что у неё есть подруга-художница, которая ей помогает, но это вовсе не дорисовывание по слепым намёткам, как я думала сначала, а скорее профессиональная консультация. Не делая скидок, она может дать совет по технике, помочь с построением композиции или перспективы, но не более. Воплощает Дарья всё

самостоятельно, ориентируясь на внутреннее и тактильное восприятие холста. Впрочем, это не отменяет использования в некоторых работах трафаретов или готовых декоративных элементов. Например, в трогательной картине «Традиции и ностальгия» использована настоящая этикетка «Советского шампанского», а не её изображение. И это вовсе не слабость работы: зрителю представлен очень прозаичный натюрморт из бутылки шампанского, бокала и закуски на фоне ночного города за окном. Будь этикетка выполнена в той же технике широких мазков и крупных форм, что и вся картина, она лишилась бы своего исключительного характера: шампанское и бокал на подоконнике могут стоять в любой стране мира, в любое время, но узнаваемая и бросающаяся в глаза этикетка задаёт и место, и время. Именно благодаря ей, этот простенький натюрморт становится ностальгическим, близким, в каком-то смысле даже своим для любого зрителя, в том числе и незрячего — этикетка-то с тиснением, а уж ту самую бутылку большинство держало в руках.

Когда я представила и до конца поняла, как работает Дарья, мой скептицизм совсем растаял. Несмотря на то, что рисование мне не чуждо, сделать так, как она, даже с советами и всякого рода вспомогательными материалами, мне бы не удалось, притом что зрение у меня нормальное. Признаться, это заворожило и дало понимание того, что даже если «смотреть», закрыв глаза, есть шанс увидеть нечто совершенно новое. Например, мир таким, каким он помнится и представляется. Да и вообще: слепой художник — это разрыв шаблона, как ни крути.

У Дарьи, разумеется, есть любимцы и ориентиры среди великих художников. На вопрос о том, кто для неё главный мэтр, она, подумав, назвала Анри Матисса. И я готова признать, что его влияние ощущается в работах. Дело вовсе не в особенностях техники, даже не в стилистике, жанре или теме, а скорее в том, как передан свет, сколько цветов в картинах, какое они несут настроение. Также среди предпочтений Дарья упомянула импрессионизм, но уточнила, что это в основном «зрительские симпатии».

Сама она хотела бы скорее научиться передавать больше реалистических деталей. Призналась: «Очень хочу писать портреты, но не придумала как». Я искренне надеюсь, что рано или поздно Дарья всё же придумает, тогда я непременно попрошу изобразить меня. Безумно интересно узнать, как тебя видит человек, незнакомый с твоим визуальным образом.

Но пока портретов нет, есть мастер-классы. В рамках различных мероприятий Дарья проводит их для всех желающих. И это не только способ узнать что-то новое о рисовании, но и возможность погрузиться в чуть иную систему координат. Для зрячих участников такое погружение буквально: они работают, надев на глаза светонепроницаемую маску, опираясь на тактильные ощущения и внутреннее зрение. Я честно попробовала, правда, сама, дома, с теми акриловыми красками, что остались после какой-то из картин по номерам (картины, создаваемые путём раскрашивания заранее обозначенных и пронумерованных зон. — Прим. ред.). Вот что я могу сказать: рисование вслепую — это не просто ощущение материализации, когда маска снята, не только игра света на фактурных элементах и прочее. Пожалуй, в первую очередь — это возможность ощупью изучить все контуры и грани: сначала воссоздавая образ из воображения тёплыми пальцами, мазок за мазком, слой за слоем, обязательно без перчаток, чтобы чувствовать детали, а потом собирая из россыпи объёмных элементов под руками ту самую картину.

В нашей беседе Дарья упоминала, что больше всего мечтает увидеть свои работы, чтобы сопоставить образ в голове с результатом на холсте. На своём опыте я убедилась: это действительно очень яркие и необычные ощущения. А для зрячего человека это ещё один способ понять, как видят мир незрячие, и опять-таки сравнить. Очень полезно.

Показать, что зачастую границы существуют лишь в нашем сознании и нужно только заставить себя их переступить, — основная цель, которую Дарья видит в своём творчестве и работе с людьми. Я полностью с этим согласна, более того, убедилась в этом на собственном опыте. Надеюсь, что

незрячие посетители выставок картин Дарьи и её мастер-классов получают хороший импульс к преодолению своих внутренних ограничений, чтобы выразить себя через изобразительное искусство, ибо тот, кто не видит свет, всё ещё видит мир. И замечательно, если он сможет продемонстрировать своё видение окружающим.

В заключение нашего разговора я устроила Дарье небольшой блиц-опрос и, пожалуй, просто приведу его полностью.

— Чай или кофе?

— Кофе.

— Самый классный цвет?

— Оранжевый.

— Лучший художник в истории?

— Клод Моне.

— Художник — это профессия или состояние души?

— Состояние души.

— Лучшее время для творчества?

— Любое, когда придёт желание.

— Чем лучше всего рисовать?

— Сердцем.

Для меня это знакомство было необычайным. Оно подарило совершенно новый творческий опыт и немного веры в человечество. Я искренне восхищена Дарьей и с нетерпением буду ждать её новых картин.